

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2023.3.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.11)

EDN [DSQYUL](https://edn.dsquul.ru)

УПРАВЛЕНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИМ ОСВОЕНИЕМ ПУСТУЮЩИХ ЗЕМЕЛЬ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ МАНЬЧЖУРИИ И ХОККАЙДО НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Ткачев С. В.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: sertk@mail.ru

Ткачева Н. Н.

Московский международный университет, Москва, Россия

E-mail: nataltk@mail.ru

Для цитирования: Ткачев, С. В. Управление демографическим освоением пустующих земель: исторический опыт Маньчжурии и Хоккайдо на рубеже XIX–XX вв. / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 183–196. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.11). EDN [DSQYUL](https://edn.dsquul.ru).

Аннотация. Человечество выработало множество способов расселения. Большинство из них имеют сегодня только информативную значимость. В практических целях нас могут интересовать недавние по историческим меркам кейсы, характеризующиеся, с одной стороны, массовостью, а с другой – учитывающие возрастающую ценность человеческой жизни. В данной статье мы рассмотрим два таких случая, имевших место в конце XIX – начале XX вв. в Северо-Восточной Азии – Маньчжурии и Хоккайдо. Данный регион к этому времени становится сосредоточением политических интересов держав. В значительной степени к событиям, здесь происходящим, начинает перемещаться мировое внимание из-за постепенно открывающегося экономического потенциала планетарного уровня. Здесь вспыхивают войны и восстания, в то же время сюда активно стекаются мигранты. Какие цели были у этого движения? Каким образом оно контролировалось? Как стимулировалось? Что общего и что отличало такие процессы между собой? В ходе рассмотрения методов освоения Маньчжурии и Хоккайдо авторами были отмечены их общие черты и различия, заимствование зарубежного опыта и его неизбежная адаптация к уникальным социальным условиям Восточной Азии столетней давности, а также собственные японские и китайские наработки.

Ключевые слова: Маньчжурия, Хоккайдо, переселение, методы освоения, колонизация, демография.

Введение

Занятие пустующих земель – неотъемлемая часть истории человечества. Часть, которая в своей основе приближает его скорее к природе, чем к социуму. Любой живой организм стремится заполнить окружающую пустоту или выдавить из окружающей среды соперничающие элементы. Причем, найдя для себя наиболее комфортную экологическую нишу, этот организм останавливается, разрастается и, наполнив его своим присутствием, опять пускает побег в разные стороны в поисках еще одного удобного места. Да, в этом отношении человек не сильно отличается от чертопо-

лоха или вируса. От других существ в таком биологически присущем стремлении нас отличают только две способности: надеяться и планировать. Первое позволяет нам создать личный и коллективный образ идеального будущего в идеальном месте. Оно заставляет нас глубже изучить настоящее, чтобы понять, что нам стоит взять с собой, а что оставить в прошлом. Планирование в свою очередь позволяет рационально откорректировать все надежды до социально приемлемого уровня, оценить его реалистичность и меру необходимости и, наконец, разработать способ реализации данного проекта.

Теоретический аспект исследования: методы и подходы

Прежде всего поясним, что мы имеем в виду, когда говорим о «пустующих землях». В наиболее общем смысле колонизация в качестве объекта предполагает terra nullius (пустую, ничейную землю), однако в условиях нашей планеты это практически недостижимый идеал. Уже в XIX в. было сложно найти территорию, на которую никто не заявлял бы свои права. С другой стороны, с какого уровня плотности населения мы можем говорить о том, что эта земля не заселена? Более того, вопрос сильно усложняют кочевые сообщества. Но надо отметить, что к периоду, который мы рассматриваем, вопросы, связанные с коренным населением, уже как прежде не игнорировались.

Колонистам так или иначе приходится контактировать с аборигенным населением. Впрочем, если они сосуществуют в параллельных экологических и экономических нишах, а соотношение численности аборигенов и колонистов в пользу последних, то о выраженной эксплуатации можно говорить лишь условно.

Во-вторых, в данной статье мы рассматриваем не методы управления трудовой миграцией (которая в большей степени затрагивает промышленное производство в городах), а именно колонизацию края, наполнение его лояльным и адаптивным к окружающей среде населением. При этом в обоих рассматриваемых нами кейсах (а также в близком им географически и по времени случае колонизации Приамурского края) «занятие» территории было главной целью правительств соответствующих государств в колонизационном вопросе [см., напр., 1, с. 219–220].

Если мы говорим о планировании таких масштабных мероприятий, как колонизация Маньчжурии и Хоккайдо, то целесообразно разделить их на три уровня:

1. Стратегический (правительственный) уровень

Освоение крупных территорий невозможно без проявления долговременной целенаправленной политической воли. Таковую волю способно проявлять государство. Также в качестве политического субъекта колонизации (бенефициара) может выступать и поддерживаемый государством бизнес (Ост-Индская и Вест-Индская, Русско-Американская компании, отдельные магнаты-инвесторы) или религиозные общины. Вместе с тем колонизация – процесс массовый, и поэтому достаточно открытый для того, чтобы бенефициар оставался известным.

Переселение в значительной степени является добровольным. Это означает, что колонисты свободны как минимум в выборе конечной точки своего поселения. Ссылные тоже могут превратиться в колонистов, но только в тот момент, когда у них появится право выбора легальной сферы деятельности, а также возможность селиться в наиболее привлекательном для них месте даже в пределах ограниченной территории. Конечно, в различных условиях можно наблюдать разные степени свободы переселенцев, но, как правило, ее уровень на периферии повышается. Это просто це-

лесообразнее экономически. Хотя опять же перверсии вполне реальны.

Все зависит от целей, которые ставит перед собой бенефициар. Ими могут быть: 1) снижение социально-экономической напряженности в метрополии; 2) расширение и укрепление окраин государства; 3) получение экономической выгоды; 4) все вышеперечисленные пункты либо их комбинации.

Несомненно, были случаи *post factum*, когда бенефициар принимал решение о контроле уже существующих стихийных движений на «пустующие земли». В российской истории таких примеров немало: движение государства за казаками в Сибирь и на юг; и даже присоединение Уссурийского края во многом было инициативой не столько государства, сколько его представителей на местах – капитана Невельского и генерал-губернатора Муравьева при поддержке талантливого дипломата графа Игнатьева. Должны были пройти три десятилетия и смениться два императора, чтобы государство решилось на осторожное освоение присоединенных территорий [подробнее см. 1].

Рассматриваемые случаи объединяет то, что все они организовывались и проводились государствами – Цинской и Японской империями. Ими же определялись необходимость таких мероприятий, уровень и источники финансирования, экономические и политические последствия, организовывались предварительные экспедиции для изучения местных условий, проводились пробные переселения и т. д.

2. Тактический (местный) уровень

В случае правительственной организации переселения для контроля на местах всегда создаются местные переселенческие структуры, контролирующие пересылку людей, сельскохозяйственных орудий, скота, денежных средств и их распределение, формирование сопроводительных служб, землемерные работы и т. д. Эти структуры меняют свое название и уровень подчинения, но всегда остаются необходимым инструментом реализации государственной задачи заселения окраин. Причем значительная часть неудачных периодов в освоении территорий связана именно с некачественной работой таковых организаций. Так как правительственный контроль за их деятельностью еще не отлажен в силу начального административного развития, то на данном уровне самыми серьезными препятствиями на пути к успеху всего предприятия являются коррупция и некомпетентность.

3. Личностный уровень

Очевидная цель колониста – кардинальное улучшение условий для жизни и воспроизводства. Степень этого улучшения может варьироваться от естественной попытки избежать смерти из-за стихийных природных бедствий, голода или геноцида до стремления повысить свой материальный, социальный или политический статус. Для реализации такой цели и в зависимости от уровня необходимости переселения колонист придерживается определенной стратегии. Можно выделить, по крайней мере, три важнейших стадии ее принятия. В первую очередь мигранты подразделяются на тех, кто планирует переселиться временно, а через какое-то время вернуться, и тех, кто ищет новый постоянный дом. Вторым критерием определения стратегии мигранта является срочность переселения, от которой в общем случае зависит его первоначальная экономическая самостоятельность. Наконец, третий критерий – уровень предварительного согласия на «трудовую лабильность», то есть на резкую, непредсказуемую смену сферы деятельности и, соответственно, на риск.

В предыдущих работах мы выделили три когорты мигрантов, примерно соответствующие трем этапам освоения территории:

- 1) «пионеры» – полувоенные организации; промысловики (трапперы); преступники и бывшие преступники; религиозные группы (пуритане, старообрядцы, молокане и др.); просто «искатели приключений» – энергичные люди, неудовлетворенные потенциалом своих перспектив и существующим в обществе уровнем социальной мобильности;
- 2) «экономические переселенцы» – в основном это крестьянские общины, фермеры;
- 3) «беженцы» – бедные и большие семьи, стремящиеся просто выжить [подробнее см. 2].

Результаты

Перейдем к рассмотрению наших кейсов. Начнем с самого массового – Маньчжурии.

Стихийное переселение китайцев в Маньчжурию началось еще в XVII в., но цинская династия всячески препятствовала этому вполне естественному процессу, стремясь сохранить земли в руках маньчжуров. Однако у китайцев были более совершенные методы землепользования и исторически более развитая коммерческая хватка, да и сами маньчжуры все больше предпочитали жить в китайских городах. К концу XIX в. цинская династия переживала очень глубокий финансовый кризис, и чтобы пополнить казну, решила на неограниченную распродажу маньчжурских земель китайцам. Более того, в таком процессе власти увидели способ защиты своих границ¹; и колонизация стала стимулироваться и регулироваться. Эти кардинальные изменения произошли в 1903 г.

Вдобавок центральные районы Маньчжурии представляли собой местности, куда издавна стремилось китайское население по причине благоприятных условий земледелия, наличия дополнительных заработков и торговли. Китайскому правительству было нужно только дать надлежащее разрешение занимать здесь свободные земли и взять на себя урегулирование данного дела. Напротив, заселение северных районов Маньчжурии требовало «громоздкой затраты средств, установления сложной административной системы, дарования особых, дорого стоящих правительству льгот поселенцам» [3, с. III].

Особо стоит отметить и то, что при колонизации Маньчжурии наблюдалось не столько заселение, сколько расселение. То есть на новые земли шли не колонисты из внутренних районов Китая, а население из соседних с Маньчжурией областей, особенно из округа Куанченцзы Гиринской провинции (ныне Чанчунь) и из Мукденской провинции, прилегающих к Южно-Маньчжурской железной дороге. Впрочем, на место убывающих колонистов немедленно прибывали поселенцы из Шаньдуна и Печили. То есть, по сути, происходило естественное вытеснение на свободные земли излишка населения китайских областей, несколько усиленное искусственными мерами [3, с. 9–10].

Для реализации планов освоения окраинных районов Маньчжурии (в значительной мере на основании иностранного опыта) было выработано несколько систем колонизации. Причем им всегда предшествовал один существенно важный этап. В первую очередь намечался район, который признавался необходимым к заселению. И прежде, чем в этом районе появлялся хотя бы один поселенец, и даже прежде, чем

¹ Сама колонизационная политика носила официальное название «меры по укреплению границ» [3, с. III].

были определены его границы, он объявлялся административной единицей – «фу», «тин» или «сянь». Данный шаг означал, что район отныне поступал в управление и юрисдикцию китайских властей. Для исполнения должностей начальников данных административных подразделений назначались чиновники с положенным им штатом канцелярии и небольшими отрядами полицейских или охранных войск. По сути, они и становились первыми поселенцами новых городов.

Далее делался выбор потенциально доступных и больше всего подходящих для данной местности вариантов определенной системы колонизации. При этом, как правило, они реализовывались параллельно, и их в большей или меньшей степени сопровождала вольная колонизация выходцами из других провинций, – «единственная нормальная система, не только не стоящая ничего государству, но приносящая ему известного рода доход от продажи земель» [3, с. IV–V].

Рассмотрим такие системы более подробно.

1. Административная колонизация

В 1909 г. были приняты Правила колонизации, согласно которым устанавливались следующие нормы:

1. Образовывались переселенческие бюро, обязанные давать переселенцам нужные указания в Ханькоу (Ухань), Шанхае, Чифу (Яньтай), Тяньцзине, Инкоу, Куанченцзы (Чанчунь). В таких бюро переселенцам выдались свидетельства для проезда на места, по которым глава семьи оплачивал половину стоимости проезда, а его семья перевозилась бесплатно.

2. Каждой семье отводилось по 45 шан земли (30 десятин – 33 га [4, с. 172]), при этом продажа земли запрещалась. Налоги начинали взиматься с четвертого года переселения, соответственно с распаханной земли (лес приравнивался к распаханной земле).

Недостатки этой системы очевидны: она влечет за собой большие издержки по подготовке земельных участков под поселения, на перевозку колонистов, предварительное образование административных центров и, наконец, на охрану новоселов от хунхузов (членов организованных банд).

2. Рабочие батальоны

Такая система, по-видимому, была позаимствована у американских частных колонизационных компаний, но с добавлением на китайской почве военизированной специфики для противодействия хунхузам.

Формировались батальоны так. Высылались агенты во внутренние области Китая или заселенные районы Маньчжурии, где они вербовали рабочих, из которых собирались группы. Затем эти группы отправляли за казенный счет в запланированные районы, где уже сводили в рабочие батальоны. Условия были следующие: ежемесячное (невысокое) жалование, продовольствие и одежда за счет казны, возраст от 20 до 40 лет, отсутствие физических недостатков, обязательная принадлежность к сельскому обществу и его поручительство в добропорядочности кандидата, наличие семьи и желания переселиться после окончания контракта. Длительность службы – три года. При этом рабочий бесплатно получал участок земли в том районе, где он находился во время службы, скот и земледельческие орудия, освобождение от налогов на определенное время. Служба по уровню дисциплины и организации была близка к военной – работа на постройке города, вырубке лесов, проведении дорог, поднятии новой и т. п. [5, с. 273].

За три года будущий поселенец неплохо знакомился с местными условиями, по

истечении положенного срока возвращался домой за семьей, а нередко и за другими родственниками, чтобы основать свое собственное хозяйство на новом месте. Таким образом, на первоначальном этапе колония не обременялась женщинами, стариками и детьми. Да и к прибытию семей уже были готовы пашни, поселки, колодцы, дороги, организовано административное управление, пункты сбыта и снабжения. Позже присоединялись другие родственники, односельчане, которые приобретали землю уже за плату и вносили в казну налоги. Наиболее характерным примером реализации системы «рабочих батальонов» стало заселение округа Мишаньфу в провинции Гирин.

Недостаток данной системы – в необходимости значительного первоначального государственного финансирования [3, с. 55–57].

3. Военные поселения

Эта система имеет давнюю историю [5, с. 273]. Ее целью было поместить на отводимых под колонизацию местах нижних чинов, увольняемых из войск в запас. Тем самым на окраинах появлялись группы обученных военному делу людей, которые в мирное время содержали себя сами своим земледельческим трудом, а в военное время могли быть использованы как солдаты. Вероятно, такая система была скопирована с российских казачьих войск.

Однако данный вид заселения пустующих земель зарекомендовал себя на Дальнем Востоке не с лучшей стороны, и уже с начала XX века от него в России постепенно начали отказываться. И М. А. Полумордвинов, и Л. М. Болховитинов оценивали этот метод колонизации скептически, наблюдая его реализацию на практике. Главная причина заключалась в том, что не хватало желающих селиться [6].

Военные поселения должны были заселяться исключительно увольняемыми в запас солдатами в сопровождении командиров. Каждому солдату выделялись по 10 шан (около 7 га) уже подготовленной пашни и фанза для жилья, предоставлялись льготные ссуды, один казенный бык, на четырех человек – один плуг. Офицерам полагались большая фанза, четыре быка, телега, лошадь с седлом. Женщин в поселениях практически не было.

Подобным образом заселялись районы в Сяньсине, Нингуте и Хэйлунцзяне [3, с. 61–68]. Места выбирались с хорошими землями, слабо заселенные, где не было подготовленных войск для защиты границы, причем на путях вероятного направления русских войск в Маньчжурию.

4. Военно-поселенные пограничные караулы (с 1908 г.)

Данный способ применялся в районе Западной Маньчжурии с центром в г. Хайлар. Здесь наиболее суровый климат, и потому привлечь колонистов не удавалось. Здесь также было мало войск и, соответственно, резервных нижних чинов, поэтому военные поселения установить было невозможно.

Разница такой системы от предыдущей заключалась в том, что для заселения намечались пункты непосредственно на самой границе. Размер поселений определялся потребностями пограничной службы: при расчете, что одна треть находится в карауле на посту, а две трети в это время занимаются обработкой полей, помещаясь в особых пограничных поселках, расположенных позади линии кордонов, на более удобных для земледельческой культуры территориях, естественно, что весь урожай шел в пользу находившихся в карауле.

Для земледельческих работ каждый караул получал от казны 6 лошадей, 6 быков, 2 плуга и некоторое денежное пособие. За время службы всем выдавали установлен-

ное содержание, казенное обмундирование, снаряжение, а по окончании службы каждый бесплатно получал в данном районе земельный участок.

Караулы устанавливались на расстоянии примерно 35–40 км друг от друга, преимущественно напротив российских казацких станиц. Каждый пост состоял из 30 солдат при одном старшем [5, с. 275]. Предполагалось, что позади этих караулов постепенно возникнут китайские поселения. Считается, что описанная система поселения была единственно возможной на этой отдаленной территории, и высоко оценивалась экспертами.

5. Акционерная система

Формировалась по примеру заселения некоторых американских штатов. А именно: предполагалось создать крупные частные акционерные компании, которые должны были, получив от правительства значительные площади свободных земель в кредит или, по крайней мере, с уплатой первоначально незначительных взносов, подготовить отдельные участки под заселение, рекрутировать во внутренних областях Китая поселенцев и быстро заселить уступленные им площади.

Эта система позволяла вести колонизацию без затрат государства. Но в Китае она натолкнулась на препятствие – коррупцию: вместо солидных компаний покупателями в большинстве случаев становились или чиновники, или подставные лица, стремившиеся нажиться на такой операции. Земли подготовлены не были, поселенцы не хотели идти в неизвестную им страну. В результате с наступлением сроков уплаты очередных взносов за землю спекулянты оказались не в силах произвести платеж, земли оставались не подготовленными, во многих местах их пришлось даже отбирать и вновь пускать в продажу через колонизационные бюро [3, с. 9].

6. Вольное заселение

При данной системе государство лишь регулировало потоки мигрантов, получая доход с продажи земли и налогов. Это был наиболее массовый тип заселения, но именно тех местностей, куда стимулировать переселение не было необходимости, люди и так шли туда с охотой.

В целом китайская колонизация Маньчжурии – весьма значительный миграционный процесс, порой сравнимый с аналогичным явлением в Америке. Однако стоит заметить, что большая сложность заключается в отрывочности, недостатке и неточности статистических данных. По замечанию авторов справочника «Северная Маньчжурия и КВЖД», «Здесь никогда не проводилось переписей, подобных современным переписям в Европе, Америке и Японии. Все имеющиеся по данному вопросу данные исходят от местной китайской администрации <...>. Почти как общее правило учитывается лишь взрослое население (то есть с 12 или 16 лет) <...>. Вообще все китайские данные резко уменьшают численность населения, так как производятся <...> с фискальными целями» [7, с. 12]. Тем не менее нам представляется интересным показать данные, полученные Т. Готтшанг и Д. Лэри (рис. 1).

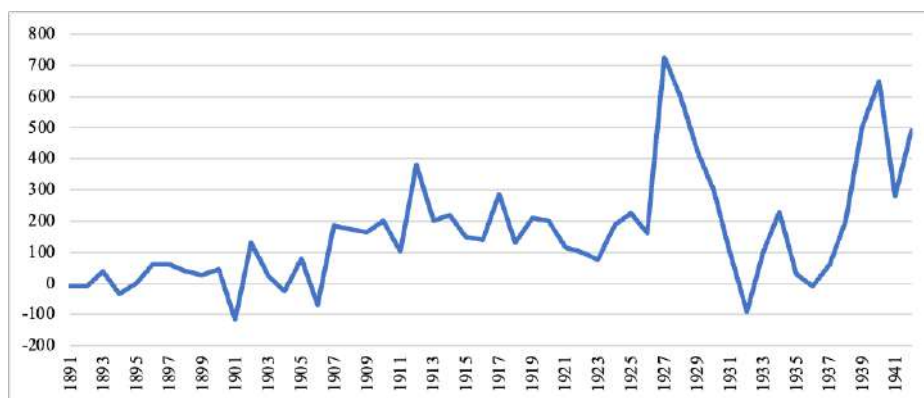

Рис. 1. Миграция из Северного Китая в Маньчжурию в 1891–1942 гг. (тыс. человек)

Fig. 1. Migration from North China to Manchuria in 1891–1942 (thousand people)

Источник: [8, с. 180]

Приведенные на рис. 1 данные показывают, что за указанный период из Северного Китая в Маньчжурию переселились 8,7 млн человек. Пик миграции пришелся на период первой волны железнодорожного строительства в Маньчжурии (1900–1903 гг.), хаоса, последовавшего за революцией 1911 г., вспышки голода и варлордизма (период милитаристов в российской историографии) в Шаньдуне и Хэбэе (1927–1929 гг.), индустриализации Маньчжоу-Го (1939–1942 гг.). Периодически возникавшие спады миграции следовали за крупными конфликтами в Маньчжурии: Китайско-японской войной (1894–1895 гг.), восстанием ихэтуаней (1899–1901 гг.), Русско-японской войной (1904–1905 гг.), Маньчжурским инцидентом (1931 г.), началом Японо-китайской войны Сопrotивления (1937 г.) [9, с. 98].

Рассмотрим, какие методы освоения пустующих земель использовали японцы во время колонизации Хоккайдо.

Если в Маньчжурии вплоть до 1903 г. колонизация сначала шла фронтирным образом, стихийно, когда волна новых поселенцев выдавливалась на север избытком населения на юге, то в случае с Хоккайдо правительство сразу и непосредственно участвовало в переселенческом деле, проводя колонизационную политику. Причем роль государства в данном вопросе была важнейшей. Возможно, в этом – наиболее вероятная причина отличий двух параллельно проходящих процессов. Тем не менее, мы видим и очень много схожего.

Несколько слов о причинах колонизации Хоккайдо.

После окончания Русско-турецкой войны в июле 1856 г. сегунат счел безопасность северного региона Эдзо (остров Хоккайдо) особенно значимой и поручил магистрату Хакодате (в то время – административному центру острова) продумать ответные меры в случае возможного нападения чужеземцев. В апреле следующего года американский консул Харрис, который вел переговоры о заключении торгового договора с Японией, писал: «Англичане... возмущены вторжением русских в Маньчжурию и убеждены, что Россия также планирует вторжение в Китай, а затем нападение на Индию. Англичане считают, что, если они отнимут у Японии Хоккайдо и Сахалин, то смогут противостоять русским на севере и сдерживать их там» [10, с. 41].

После Реставрации Мэйдзи (1868 г.) Япония уверенно встала на путь промышленного обновления. В результате быстро обнаружился избыток рабочих рук, который

направили на внешнюю экспансию в Корею и Китай, а также на освоение Хоккайдо. Но как заставить крестьянина из южных префектур, никогда не видевшего снега, отправиться осваивать северный остров? На самом деле, это оказалось большой проблемой. Японский быт не предполагал одежды теплее зимнего кимоно, домашние печи были неизвестны, а первые строители Саппоро на холодный период года уезжали с острова домой. Чтобы окончательно переселиться туда, нужны были веские причины.

Современная колонизация Хоккайдо началась еще в 1870 г. с высылки на новые территории бывших самураев, соперников императора Мэйдзи, проигравших ему в ходе Реставрации. Самураям был предоставлен выбор: либо отказаться от статуса самурая и остаться на земле в качестве крестьян, либо эмигрировать на Хоккайдо. Экс-самурай переезжали на новую территорию за свой счет с группой вассалов, остальным же приказывали оставаться на своих землях, отказавшись от родового статуса и став крестьянами.

Это переселение часто происходило целыми кланами; на родине земля переселенцев изымалась, но у них оставалось достаточно финансовых и технических средств для обустройства на новом месте. Однако высылка постепенно сокращалась и закончилась в 1893 г. Экс-самураями было образовано 27 поселений [11, с. 140–141]. Они всегда занимали долинные плодородные земли с аллювиальными (пойменными) почвами. Пустых территорий было много и, по-видимому, единственным условием расселения кланов на первоначальном этапе была удаленность от основных административных центров [12, с. 111].

Без сомнения, самурай не могли выполнить задачу по освоению Хоккайдо. В 1869 г. в Саппоро создается Управление по освоению земель (Кайтакуси) с филиалами в Хакодате и Немуро. В этот период начинается заселение острова простыми японцами, хотя и не так быстро, как предполагали местные власти. Было решено влотекущую вольную миграцию стимулировать особыми способами. И правительство их создало.

Начиная с 1881 г., фискальная политика министра финансов Масаеси Мацуката была направлена на дефляцию и повышение налогов, что нанесло серьезный удар по благосостоянию крестьянства. Если одни накапливали землю и становились паразитирующими помещиками, то многие крестьяне вынуждены были отказаться от земли. Потерявшие землю крестьяне не только становились фермерами-арендаторами, но и имели возможность стать наемными рабочими в местах, появившихся с развитием капитализма. Речь идет о сельских прядильнях и прядильных фабриках в крупных городах, шахтах в различных частях страны. Миграция на Хоккайдо стала еще одним из вариантов решения проблемы.

Если в 1886 г. население провинции составляло примерно 290 тыс. человек, а обрабатываемая площадь – около 30 тыс. га, то к 1918 г. население уже выросло примерно до 2,17 млн человек, а обрабатываемые земли исчислялись 800 тыс. га [13, с. 3]. То есть за 32 года население Хоккайдо увеличилось в 7,5 раз, а площадь обрабатываемых земель – в 26,7 раз.

Что привело к такому стремительному развитию? Провинциальное правительство внесло существенные изменения в иммиграционную политику – оно перестало оказывать прямую защиту мигрантам и попыталось привлечь частные капиталовложения, например, путем создания социальной инфраструктуры, транспортных объектов, таких как дороги и порты, а также для строительства новых зданий, предназна-

ченных для использования переселенцами. Эта политика, известная как «косвенная защита», стала применяться только тогда, когда префектуры, расположенные к югу от Хонсю, начали «выталкивать» мигрантов. Такой подход был выгоднее казне даже в условиях сложной финансовой ситуации того времени и оказался весьма успешным.

Отличительной особенностью колонизации Хоккайдо явилось развитие акционерных обществ, в том числе в сельском хозяйстве. Сошлемся на хрестоматийный пример – историю открытого акционерного общества «Бансэйша», основанного в 1882 г. Бензо Йодой с друзьями, которые собрали небольшой капитал, купили землю в округе Токати и пригласили 13 крестьянских семей последовать за ними, разделив долю в уставном капитале. В 1916 г. компания разорилась, но благодаря ее деятельности был основан город Обихиро и преобразился весь округ Токати.

В основном, за исключением таких крупных компаний как Мицубиси, коммерческие инвестиции на Хоккайдо начались только после Китайско-японской войны, а в первые годы своего существования правительство Хоккайдо в значительной степени полагалось на специализированную рабочую силу солдат-тондэн и заключенных.

В ноябре 1873 г. Курода Киетака, заместитель министра мелиорации, представил предложение о создании Тондэнхэй, предусматривавшее эмиграцию обедневших воинов и их семей, которые должны были получить дома и сельскохозяйственные орудия и в течение трех лет выполнять функции «охраны границы», «защиты народа» и «освоения земель», получая деньги и другие льготы. Планируемые поселения должны были находиться в Саппоро, Отару, Муроране и Хакодате, по 750 домов в каждом в 1874 и 1875 гг., всего 1 500 хозяйств и 6 000 человек, включая членов семей, подлежащих переселению [10, с. 35].

Несмотря на то, что необходимость обеспечения безопасности на севере вызывалась напряженными отношениями между Японией и Россией, военные силы на Хоккайдо практически отсутствовали. Это было связано с малочисленностью населения Хоккайдо и напряженной финансовой ситуацией в стране. С другой стороны, для освоения границы Хоккайдо требовалась оседлая рабочая сила.

После поселения тондэнхэй и их семьи в условиях жесткой дисциплины занимались отработкой жалованья и военной подготовкой. Характерно, что такие поселения (в отличие от поселений экс-самураев) стали центрами, вокруг которых постепенно возникали деревни обычных крестьян. То есть они оказались своеобразными катализаторами освоения территории, обеспечивая ее безопасность, близость администрации и локальный рынок сбыта сельскохозяйственной продукции. Эта схема выглядит более логичной и результативной, чем в случае с казаками в Южно-Уссурийском крае на российском Дальнем Востоке, когда осваиваемая ими территория была доступна только для самих казаков. Кроме того, тондэнхэй имели срочный контракт, а казаки – нет. Все перечисленное выше сближает японский случай с китайским вариантом военных поселений, но последние были по большей части бесхозяйными, а тондэнхэй – наоборот. И все же во всех трех случаях показателен результат: военизированные поселения могут быть только временным решением в колонизации. И как только начинает расширяться специализация региона, становится очевидным, что одновременно заниматься и сельским хозяйством, и выполнять военные функции эффективно нельзя.

Первые поселения крестьян-колонистов появились на Хоккайдо в 1871 г. Поначалу они распространялись неторопливо, занимая наиболее удобные локации по южному и западному побережью, а также в долине реки Исикари. Среди многочис-

ленных причин медлительности этого движения одной из важнейших явилась неурегулированность земельных отношений. Сложилась парадоксальная ситуация, когда крестьянин не мог сказать, его ли эта земля, что он обрабатывает, или нет. Разумеется, подобная ситуация создавала почву для коррупции. С 1886 г. последовало установление ряда правил, которые еще более запутали ситуацию. Первоначально экс-самураи должны были бесплатно сдавать в аренду свои земли на установленный срок, а потом уже ее продавать, но не более 33 га «в одни руки». Однако правила предполагали возможность «исключительных случаев», что открыло дорогу появлению крупных землевладений.

Закон 1897 г. разрешал владеть уже 500 га пашни и предусматривал для неосвоенных земель безвозмездное пользование. А по закону 1908 г. земля была бесплатной только для тех землевладельцев, которые оформили ее в свою собственность [13, с. 4]. И здесь оказалось, что последнее сделать не так просто – процедура отчуждения запутана, офисы кредитных банков и контор по землеустройству разбросаны по большой территории. Крестьянин не всегда мог выполнить все требования, а крупные землевладельцы и компании могли. Сегодня сельское хозяйство Хоккайдо, в отличие от основной Японии, – это, прежде всего, крупные компании.

Вероятно, такое развитие ситуации сильно ударило по темпам переселения, но в итоге сделало Хоккайдо крупнейшим японским сельхозпроизводителем, особенно в животноводстве, требующем обширных пастбищ (рис. 2).

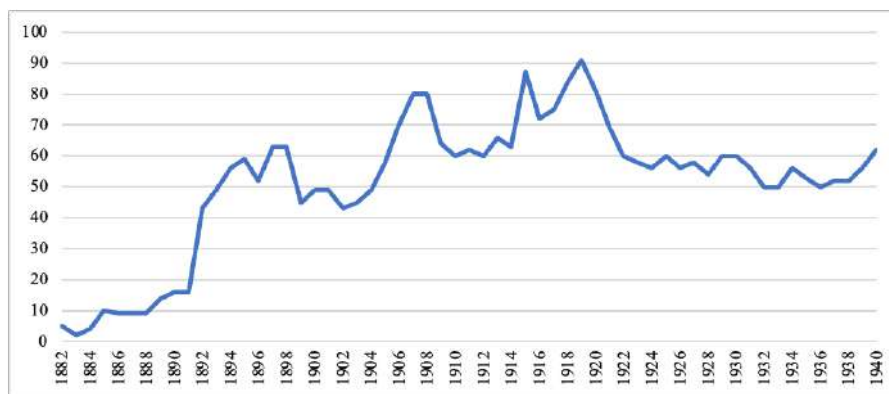

Рис. 2. Миграция на Хоккайдо в 1882–1940 гг. (тыс. человек)
Fig. 2. Migration to Hokkaido in 1882–1940 (thousands of people)

Источник: [13, с. 3; 14, с. 55–564; 15, с. 3]

Заключение

Оба рассмотренных нами варианта освоения незанятых земель Маньчжурии и Хоккайдо проходили в одно время и в географически близких регионах. И тот и другой использовали опыт прочих стран в проведении переселенческих мероприятий, но в каждом случае они приобрели особую специфику. Каждый из них проводился в условиях дефицита государственного бюджета. В обоих случаях триггером мероприятий, по крайней мере, их оправданием, служила внешняя угроза, а одним из методов было использование полувоенных структур. Оба проводились под контролем государства. Но тот и другой страдали от забюрократизированности. Наконец, оба региона, сто лет назад пережив бурный период роста, сегодня поглощены процессом

депопуляции.

Различия также характерны. Маньчжурия в основном заселялась в процессе вольной колонизации. На Хоккайдо стали доминировать крупные компании. Для рассмотрения нашего вопроса критически важны расстояния: в японском случае добраться до места назначения было гораздо проще. Кроме того, Хоккайдо не знал такого явления, как хунхузы. Наконец, переселение в Маньчжурию осуществлялось в период войн, восстаний, революции, оккупации на территории Китая; Япония этот период проходила в более комфортных условиях.

На наш взгляд, очень важно изучать подобные процессы, потому что они не прекращаются, неожиданно вспыхивая в разных частях мира, чтобы потом медленно затухать. Человечество накопило колоссальный опыт колонизаций, но не научилось рационально ими управлять. Мы надеемся, что наша статья станет скромным вкладом в решение этой проблемы.

Список литературы

1. *Ткачев, С. В.* Причины и цели организации массового переселения крестьян морским путем (1882–1883 гг.) / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // Вопросы истории. 2020. № 1. С. 214–227. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10). EDN [TPQCPV](https://www.edn.ru/TPQCPV).
2. *Ткачев, С. В.* Этапы процесса колонизации // Вопросы истории. 2019. № 4. С. 20–33. DOI [10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03). EDN [ZCLCEH](https://www.edn.ru/ZCLCEH).
3. *Полумордвинов, М. А.* Колонизация Чжеримского сейма Монголии, правого берега Амура и округа Айгунского и Син-дун-дао. Харбин : Штаб Заамур. окр. погранич. стражи, 1909. 86 с.
4. *Белоглазов, Г. П.* Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII – первая треть XX в.) / Г. П. Белоглазов ; Российская акад. наук, Дальневосточное отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2007. 183 с. ISBN 978-5-8044-0798-9.
5. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII – начало XX в.) / В. С. Мясников, Б. Г. Сапожников, Ф. В. Соловьев и др. ; отв. ред. Ф. В. Соловьев. Владивосток : Дальневосточное кн. изд-во, 1987. 422 с.
6. *Болховитинов, Л. М.* Колонизация Дальнего Востока. Москва : Директ-Медиа, 2014. 23 с. ISBN 9785446097753.
7. Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / Сост. Экономическим бюро Китайской вост. жел. дор. Харбин, 1922. 692 с.
8. *Gottshang, T. R.* Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria / T. R. Gottschang, D. Lary. Ann Arbor, Michigan : University of Michigan Center for Chinese Studies, 2000. 232 p. DOI [10.3998/mpub.22808](https://doi.org/10.3998/mpub.22808).
9. *Reardon-Anderson, J.* Reluctant Pioneers: China's Expansion Northward, 1644–1937. Stanford, California: Stanford University Press, 2005. 312 p. ISBN 9780804751674.
10. 近代のはじまり. 常設展示解説書4. 北海道開拓記念館、2000. 52 p.
11. 永井秀夫、小池喜孝、関秀志編. 明治大正図誌 北海道. 第5巻. 筑摩書房、1978. 155 p.
12. *Ткачев, С. В.* Японская колонизация Хоккайдо (2-я половина XIX – начало XX века) / С. В. Ткачев, Н. Н. Ткачева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2015. № 3. С. 104–122. EDN [ULSSHZ](https://www.edn.ru/ULSSHZ).
13. 開けゆく大地. 常設展示解説書5. 北海道開拓記念館、2000. 52 p.
14. 関秀志、桑原真人、大庭幸生、高橋昭夫. 北海道の歴史、下(近代・現代編)新版. 北海道新聞社、2006. 412p. ISBN 4894533804.
15. 不況から戦争へ. 常設展示解説書6. 北海道開拓記念館、2000. 51 p.

Сведения об авторах:

Ткачев Сергей Викторович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); РИНЦ Author ID: [749241](https://elibrary.ru/749241); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864).

Ткачева Наталья Николаевна, кандидат политических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Московский международный университет, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: natalk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8935-7142](https://orcid.org/0000-0001-8935-7142); РИНЦ Author ID: [749244](https://elibrary.ru/749244).

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; принята в печать 20.11.2023.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MANAGING THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF WASTELANDS: THE HISTORICAL EXPERIENCE OF MANCHURIA AND HOKKAIDO AT THE TURN OF THE XIX–XX CENTURIES

Sergey V. Tkachev

Institute of Demographic Research FNISC RAS, Moscow, Russia

E-mail: sertk@mail.ru

Natalia N. Tkacheva

Moscow International University, Moscow, Russia

E-mail: natalk@mail.ru

For citation: Tkachev, Sergey V. *Managing the Demographic Development of Wastelands: The Historical Experience of Manchuria and Hokkaido at the Turn of the XIX–XX Centuries* / S. V. Tkachev, N. N. Tkacheva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 183–196. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.11](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.11).

Abstract. Mankind has developed many methods of settlement. Most of them today have only informational value. For practical purposes, we may be interested in cases that are recent by historical standards, characterized, on the one hand, by mass character, and on the other, taking into account the increasing value of human life. In this article we will look at two such cases that took place at the end of the 19th and beginning of the 20th centuries. in Northeast Asia – Manchuria and Hokkaido. By this time, this region had become a concentration of political interests of powers. To a large extent, world attention is beginning to shift to the events taking place here due to the gradually opening economic potential of the planetary level. Wars and uprisings break out here, and at the same time migrants actively flock here. What were the goals of this movement? How was it controlled? How was it stimulated? What do these processes have in common and what are different from each other? When considering the methods of land development of Manchuria and Hokkaido, the authors noted their common features and differences, the borrowing of foreign experience and its inevitable adaptation to the unique social conditions of East Asia a century ago, as well as their own Japanese and Chinese practices.

Keywords: Manchuria, Hokkaido, resettlement, land development methods, colonization, demography

References

1. Tkachev, S. V. Prichiny i tseli organizatsii massovogo pereseleniya krest'yan morskim putem (1882–1883 gg.) [Reasons and goals of organizing the mass resettlement of peasants by sea (1882–1883)] / S. V. Tkachev, N. N. Tkacheva. *Voprosy Istorii*. 2020. No. 1. Pp. 214–227. DOI [10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii202001Statyi10). (In Russ.).
2. Tkachev, S. V. Stages of Colonizations Process. *Voprosy Istorii*. 2019. No. 4. Pp. 20–33. DOI [10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03](https://doi.org/10.31166/VoprosyIstorii201904Statyi03). (In Russ.).
3. Polumordvinov, M. A *Kolonizatsiya Chzherimskogo seyma Mongolii, pravogo berega Amura i okruga Aygun'skogo i Sin-dun-dao* [Colonization of the Zherim Seim of Mongolia, the right bank of the Amur and the Aigun district and Xing-dong-dao]. Harbin : Headquarters of the Zaaumur District Border Guard, 1909. 86 p. (In Russ.).
4. Beloglazov, G. P. *Russkaya zemledel'cheskaya kul'tura v Man'chzhurii (seredina XVII – pervaya tret'*

XX v.) [*Russian agricultural culture in Manchuria (mid-17th – first third of the 20th century)*] / G. P. Beloglazov ; Russian Academy of Sciences, Far Eastern Branch, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East. Vladivostok : Dal'nauka, 2007. 183 p. ISBN 978-5-8044-0798-9. (In Russ.).

5. *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX v. [History of Northeast China in the 17th–20th centuries].* Book 1. Man'chzhuriya v epokhu feodalizma (XVII – nachalo XX v.) [Manchuria in the era of feudalism (17th – early 20th century)] / V. S. Myasnikov, B. G. Sapozhnikov, F. V. Solovyov et al. ; ex. ed. F. V. Soloviev. Vladivostok : Far Eastern Book Publishing House, 1987. 422 p. (In Russ.).

6. Bolkhovitinov, L. M. *Kolonizatsiya Dal'nego Vostoka [Colonization of the Far East]*. Moscow : Direct-Media Publishing House, 2014. 23 p. ISBN 9785446097753. (In Russ.).

7. *Severnaya Man'chzhuriya i Kitayskaya Vostochnaya zheleznaya doroga [Northern Manchuria and the Chinese Eastern Railway]* / Compiled by conomic Bureau of China Eastern Railway. Harbin, 1922. 692 p. (In Russ.).

8. Gottshang, T. R. *Swallows and Settlers: The Great Migration from North China to Manchuria* / T. R. Gottschang, D. Lary. Ann Arbor, Michigan : University of Michigan Center for Chinese Studies, 2000. 232 p. DOI [10.3998/mpub.22808](https://doi.org/10.3998/mpub.22808).

9. Reardon-Anderson, J. *Reluctant Pioneers: China's Expansion Northward, 1644–1937*. Stanford, California: Stanford University Press, 2005. 312 p. ISBN 9780804751674.

10. 近代のはじまり. 常設展示解説書4. [*The beginning of modern times. Permanent exhibition manual 4*]. 北海道開拓記念館、2000. 52p. (In Japanese).

11. 永井秀夫、小池喜孝、関秀志. [Hideo Nagai, Yoshitaka Koike, Hideshi Seki]. 明治大正図誌北海道. [*Hokkaido in Meiji-Taisho Era: Photos & Catalog*]. 第5巻. 筑摩書房、1978. 155p. (In Japanese).

12. Tkachev, S. V. Japanese Colonization of Hokkaido (End of XIX – Early XX Centuries) / S. V. Tkachev, N. N. Tkacheva. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2015. No. 3. Pp. 104–122. (In Russ.).

13. 開けゆく大地. 常設展示解説書5. [*The land of opening. Permanent exhibition manual 5*]. 北海道開拓記念館、2000. 52p. (In Japanese).

14. 関秀志、桑原真人、大庭幸生、高橋昭夫. [Hideshi Seki, Masato Kuwabara, Yukio Oba, Akio Takahashi]. 北海道の歴史、下(近代 現代編)新版. [*History of Hokkaido. Part 2 (Modern/ Contemporary History)*]. New Edition]. 北海道新聞社、2006. 412p. ISBN 4894533804. (In Japanese).

15. 不況から戦争へ. 常設展示解説書6. [*From depression to war. Permanent exhibition manual 6*]. 北海道開拓記念館、2000. 51p. (In Japanese).

Bio notes:

Sergey V. Tkachev, Candidate of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: sertk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-9279-5864](https://orcid.org/0000-0001-9279-5864); RSCI Author ID: [749241](https://rsci.org/749241); Web of Science Researcher ID: [R-7748-2019](https://orcid.org/R-7748-2019); Scopus Author ID: [56669485600](https://orcid.org/56669485600).

Natalya N. Tkacheva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Humanities, Moscow International University, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nataltk@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-8935-7142](https://orcid.org/0000-0001-8935-7142); RSCI Author ID: [749244](https://rsci.org/749244).

Received on 15.09.2023; accepted for publication on 20.11.2023.

The authors have read and approved the final manuscript.